

«RED THREAT» IN THE ESTIMATES OF THE USA PRESS IN 1939

© 2019

Buranok Sergey Olegovich, doctor of historical sciences, associate professor,
professor of World History, Law and Methods of Teaching Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The following paper deals with the research of the place and value of Russia's foreign policy and its reflection in the USA public opinion. The study of information campaign around USSR's foreign policy has its specifics and value: first, it gives a chance to establish new, unknown facts; secondly, to determine the level of knowledge of «another» (in this case, American) society about the Soviet foreign policy; thirdly, to understand what place information about Soviet foreign policy took in the USA in the system of the USSR image creation, the image of «the Soviet revolution». This paper uses materials of the USA press about USSR's foreign policy in 1939. Besides, the author analyzes the image of the Soviet foreign policy in the American society. The information campaign around USSR's foreign policy could report to the world about the Soviet foreign policy achievements as well as promote preparation (in the information plan) to the following large project – the image of the Soviet ally. Articles, reports, notes on USSR's foreign policy of 1939 helped to change the attitude towards Russia / the USSR in the USA and helped to correct the image of the USSR in the world.

Keywords: Soviet foreign policy; «red threat»; image of USSR; US press; public opinion; causes of Second World War; American newspapers; US foreign policy; beginning of Second World War; V.M. Molotov; historical imagology; Germany; US journalists.

* * *

УДК 908(470.43)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-13220

Статья поступила в редакцию 30.05.2019

«ДЕЛО» СОЛОМОНА ГЕРЦЕВИЧА БАСИНА: ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ

© 2019

Храмкова Елена Ленаровна, доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории и археологии
Храмкова Нина Петровна, кандидат исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории и археологии

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье реконструируются малоизвестные страницы биографии крупного самарского историка, доктора исторических наук, профессора Соломона Герцевича Басина. Основу источниковой базы исследования составили материалы его личного дела, персональных дел, протокольной документации первичной партийной организации Куйбышевского государственного педагогического института (ныне Самарского государственного социально-педагогического университета), Фрунзенского райкома ВКП(б) г. Куйбышева и другие документы, которые были выявлены в архиве и библиотеке СГСПУ, Центральном государственном архиве Самарской области, Самарском областном государственном архиве социально-политической истории. Основное внимание уделяется обстоятельствам вовлечения С.Г. Басина в известные политические кампании второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., анализу его «дела», а также преподавателям Куйбышевского педагогического института – наиболее активным участникам «борьбы с низкопоклонством перед Западом», с «космополитизмом» и др. В статье также предпринимается попытка выяснить мотивацию, определявшую те или иные поступки основных «действующих лиц» в условиях идеологического воздействия на педагогическую интеллигенцию в послевоенный период. С этой целью были изучены биографии некоторых директоров, заместителей директоров, секретарей вузовской партийной организации, преподавателей исторического факультета КГПИ.

Ключевые слова: Басин Соломон Герцевич; педагогическая интеллигенция; политико-идеологические кампании; космополитизм; Куйбышевский государственный педагогический институт; Самарский государственный социально-педагогический университет; исторический факультет; персональное дело.

Политико-идеологические кампании 1940-х – начала 1950-х гг. сравнительно недавно стали предметом изучения в монографических [1; 2], диссертационных [3–5], историографических [6] и других работах. Особый интерес для нас представляют публикации, отражающие механизм идеологического воздействия на преподавателей региональных педагогических и учительских институтов [7–9]. Не повторяя выводов исследователей, касающихся географии,

внешних и внутренних причин, хронологии, видов послевоенных политических кампаний, хотелось бы подчеркнуть многогранность исследуемой проблемы, ее связь с актуальными вопросами, затрагивающими судьбу отечественной высшей школы. К ним, в частности, относится вопрос о возможности «повторения пройденного» в новых исторических реалиях. Мы не разделяем оптимистическое убеждение некоторых авторов, которые полагают, что «способ

взаимодействия власти и вузовской интеллигенции», практиковавшийся в период «позднего сталинизма», для «современного российского общества... невозможен» [5, с. 3]. Поэтому нас более всего интересовала не внутренняя и внешняя подоплека политических кампаний, а поведение преподавателей отдельного провинциального педагогического института в условиях послевоенного идеологического давления на интеллигенцию, а также проблема сохранения памяти об этих событиях.

16 ноября 2018 г. в Самарском государственном социально-педагогическом университете состоялась мемориальная научная конференция «Историк в меняющемся мире», посвященная 100-летию доктора исторических наук, профессора Соломона Герцевича Басина. Готовясь к этому памяtnому событию, нельзя было не заметить, что его преподавательская, научная и общественная деятельность без малого 60 лет была связана с Куйбышевским педагогическим институтом, но некоторые страницы его биографии практически неизвестны. К ним относится и период второй половины 1940-х – начала 1950-х гг.

Целью нашей статьи является изучение процесса появления и прекращения так называемого «дела Басина». Как нам кажется, выявленные в процессе работы факты заслуживают не только обнародования, но и осмысления. Они позволяют скорректировать биографию С.Г. Басина (07.11.1918–16.11.1999), а также некоторые укоренившиеся представления о преподавателе и ученом, дополнить историю исторического факультета и самарского педагогического вуза.

Источниковую основу статьи составили документы архива СГСПУ, Самарского областного государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива Самарской области; материалы библиотеки СГСПУ и Самарской областной универсальной научной библиотеки. Были изучены личное дело и персональные дела С.Г. Басина; протоколы заседаний: общих партийных

собраний (открытых и закрытых), партбюро КГПИ за 1940-е гг., партийных собраний и партбюро исторического факультета (1947–1949 гг.), бюро Куйбышевского обкома и Фрунзенского райкома ВКП(б) (1948–1949 гг.); служебная переписка руководства парторганизации КГПИ с руководством обкома партии (1945–1948 гг.). В качестве дополнительных источников привлечены материалы личных и персональных дел коллег С.Г. Басина: Е.И. Медведева, К.Я. Наякшина, Д.Н. Кейсер, В.И. Писарева, Ф.Ф. Захарова, В.С. Чепурнова, И.А. Александрова и других лиц, причастных к его «делу». Чтобы понять суть обвинений, предъявленных историку в 1949 г., мы ознакомились с рукописью его кандидатской диссертации, хранящейся в библиотеке СГСПУ, а также с двумя изданиями хроники революционных событий в Самаре и Самарской губернии выдающегося краеведа Ф.Г. Попова [10; 11] и с публикациями, посвященными «провокатору И.А. Зеленскому» [12; 13].

Нельзя не отметить особенности архивных источников этих лет, значительную часть которых составляют полуугасшие тексты на плохой бумаге, с бесконечными исправлениями, зачеркиваниями; обрывочные записи. Протоколы собраний и заседаний партбюро истфака, где не раз обсуждалась интересующая нас тема, написаны неразборчивым почерком, некоторые тексты так и не удалось прочесть. Изучение документов затрудняет обилие фамилий преподавателей и сотрудников пединститута (зачастую без инициалов), которые к настоящему времени оказались забытыми. В определенной степени помогло составление краткого словаря, в который вошли фамилии, имена, отчества директоров КГПИ, секретарей партбюро института и исторического факультета, подвергавшихся критике преподавателей, а также их наиболее активных критиков, некоторых студентов и др. Часть документов, связанных с проведением политических кампаний в КГПИ, до сих пор засекречена («законвертирована» в отдельных делах).

Рисунок 1 – Соломон Герцевич Басин, 1950-е годы

Несомненный интерес вызывает язык документов, например протокольной документации, который сам по себе заслуживает изучения. Отметим, что большинство изученных партийных протоколов любого уровня (институтского, факультетского и др.) написаны малограмотными людьми, не знавшими, что существуют знаки препинания. Они нередко искажали фамилии и отчества упоминаемых лиц до неузнаваемости (это касается и С.Г. Басина). Им трудно давалась специфическая терминология послевоенных лет («догматизм», «вейсманизм», «морганизм», «низкопоклонство», «безродные космополиты» и т.п.), поэтому чтение некоторых протоколов оставляет впечатление не только трагедии происшедшего, но и фарса. Новые термины были непонятны как «уклонившимся от верной идеологической линии», так и их обличителям. В текстах протоколов нередко встречаются пропуски, особенно в записях выступлений в прениях по докладам и др. Возникает ощущение, что тот, кто записывал, постоянно отвлекался. Малограмотные тексты странно сочетаются с тем фактом, что в это время в КГПИ работали замечательные филологи, члены партии, которым, наверное, можно было доверить стенографирование, записывание, печатание и, наконец, проверку документов на ошибки.

Рассказ о событиях второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. хотелось бы предварить краткой биографией молодого Соломона Герцевича Басина. Он родился 7 ноября 1918 г. в городе Екатеринославе (Днепропетровск) в семье рабочего хлебозавода. В возрасте четырех лет вместе с родителями переехал в Белоруссию, в г. Могилёв (впоследствии писал в личном деле, что владеет белорусским языком). После окончания семилетки в 1934 г. поступил в Витебский политехникум, получил специальность «техник-радиот». В 1938 г. поступил на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. М.Н. Покровского, где проучился три года. В июне 1941 г. он ушел добровольцем в Красную Армию. Как бывшего студента-историка, С.Г. Басина направили на учебу на курсы Политуправления РККА, так он стал «политбойцом». Осенью 1941 г. участвовал в Смоленском оборонительном сражении. Ранение в ногу и живот получил под Ярцево, что привело к получению инвалидности III группы. После лечения в госпитале был демобилизован. Неизвестно, когда об этом страшном событии узнал Соломон Герцевич, но во время оккупации Белоруссии погибли его родители – отец воевал в партизанском отряде, мать была расстреляна фашистами. В августе 1942 г. его освободили от воинской обязанности, и осенью того же года 23-летний Соломон Басин для завершения высшего образования поступает на 4 курс исторического факультета Куйбышевского государственного педагогического и учительского института, который оканчивает с отличием в 1943 г. [14, л. 1–3, 5–5 об., 13–13 об., 17–17 об., 21].

2 октября 1942 г. по решению партбюро КГПИ студент С.Г. Басин стал председателем профкома вуза. В декабре на заседании партбюро института отметили, что он оправдал доверие, восстановив работу профорганизации. 22 апреля 1943 г. на общем партийном собрании КГПИ обсуждался вопрос о приеме студента истфака Басина кандидатом в члены

ВКП(б). Его рекомендовали Дзержинский райком ВЛКСМ, С.Х. Брук и Ф.К. Кирьянов. Несмотря на заявление С.Г. Басина, что его родители находятся на оккупированной территории в г. Могилёве, был единогласно принят в кандидаты в члены партии. 6 октября 1944 г. на общем партсобрании вуза его также единогласно приняли в члены ВКП(б). Секретарь партбюро КГПИ Лев Аронович Ганкин подчеркнул: Басин «проявил себя способным студентом, вел в институте большую общественную работу, сейчас успешно проходит аспирантуру» [15, л. 51 об., 64 об., 65–65 об.; 16, л. 14; 17, л. 19]. В 1946–1947 гг. С.Г. Басин являлся партторгом исторического факультета [14, л. 27].

В военные и первые послевоенные годы началась его преподавательская деятельность: в 1942–1946 гг. – в Куйбышевской специальной юридической школе, в 1943–1946 гг. – Всесоюзном юридическом заочном институте (Куйбышевское отделение), в вечернем университете марксизма-ленинизма, в качестве внештатного лектора горкома и обкома ВКП(б). С сентября 1945 г. он начинает работать старшим преподавателем кафедры истории народов СССР (истории СССР) КГПИ [14, л. 1 об., 3]. Во второй половине 1940-х гг. С.Г. Басин читает лекции на исторические темы для раненых, находящихся на излечении в г. Куйбышеве, военнослужащих Приволжского военного округа, выступает в Доме офицеров [18, л. 37].

6 ноября 1947 г. его догнала заслуженная награда – Орден Славы, за подвиг, совершенный летом 1941 г. На лицевой стороне Наградного листа содержится пометка о представлении к Ордену Славы II степени, однако на обороте документа красноармеец Басин представлялся уже к Ордену Славы III степени, который он и получил [19]. С.Г. Басину, тяжело раненному во время боя 23 августа 1941 г., повезло. 400 стрелковый полк, в котором он служил, входил в 89-ю стрелковую дивизию (19 Армия), которая в октябре 1941 г. попала в окружение в Вяземском «котле» [20]. В 1946 г. и 1948 г. С.Г. Басин также был награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [14, л. 2 об.].

Сохранилась заверенная копия удостоверения С.Г. Басина, выданного после окончания аспирантуры в КГПИ. Из документа следует, что он поступил в аспирантуру в сентябре 1943 г. по специальности «История народов СССР». Научным руководителем соискателя стал заведующий кафедрой истории народов СССР (истории СССР), профессор Владимир Иванович Писарев. О работе аспиранта над диссертацией известно мало. Сохранились прошение дирекции пединститута, направленное в отдел агитации и пропаганды Куйбышевского обкома ВКП(б) в июне 1945 г., с просьбой допустить С.Г. Басина «к занятиям в Куйбышевском историко-партийном архиве», и три листа с пометками от руки о заказанных им делах из фондов архива. Он сдал 8 кандидатских экзаменов и зачетов (в основном на «отлично»), прошел аспирантскую и доцентскую практики и успешно завершил обучение в аспирантуре 15 марта 1946 г. В этот день на заседании Ученого совета КГПИ (институт был отнесен к первой категории вузов и получил право присуждать ученую степень кандидата наук) состоялась защита его кандидатской

диссертации на тему: «Пролетариат Самары в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.)». Заседанием руководили директор вуза Андрей Николаевич Мельниченко и ученый секретарь совета Виктор Алексеевич Бочкарев [14, л. 22, 23; 21, л. 1–4; 22, л. 33]. Первым оппонентом являлась известный советский историк рабочего класса и революционного движения в России, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР Анна Михайловна Панкратова; вторым – кандидат исторических наук, доцент Ефрем Игнатьевич Медведев [23, с. 50]. Несмотря на то что Медведев, осужденный Особым совещанием НКВД СССР 15 октября 1935 г. как «участник троцкистской организации», сосланный в г. Самару (Куйбышев), состоявший под надзором органов госбезопасности, был реабилитирован только в 1955 г. [24, с. 14–15], в 1946–1947 гг. он несколько раз выступал в качестве оппонента на защите кандидатских диссертаций в КГПИ [25, л. 11]. В кандидатской диссертации Басина упоминается И.А. Зеленский – известный фигурант «антисоветского правотроцкистского центра» (расстрелян в 1938 г.). И если бы кто-то додумался в рассматриваемый период связать двух «троцкистов» – живого и мертвого, то судьба Соломона Герцевича сложилась бы гораздо хуже.

Дирекция КГПИ направила ходатайство в ВАК при Министерстве высшего образования СССР об утверждении С.Г. Басина в ученом звании доцента по кафедре истории СССР, но 17 мая 1947 г. оно было отклонено, скорее всего, потому, что решение Ученого совета КГПИ о присуждении С.Г. Басину ученой степени кандидата исторических наук было утверждено ВАК позднее – 19 августа 1947 г. [14, л. 8, 24].

Прежде чем перейти к изложению событий 1949 г., необходимо отметить: на изменение атмосферы в послевоенном Куйбышевском педагогическом институте повлияли все известные политико-идеологические кампании того времени, неоднократно описанные в литературе. На всех вузовских и факультетских партсобраниях обсуждали Постановления ЦК ВКП(б) о партийности в литературе, музыке, кино; итоги дискуссии по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии» и сессии ВАСХНИЛ 1948 г.; боролись с «низкопоклонством перед Западом», «буржуазным национализмом», «буржуазным объективизмом», «космополитизмом» [22, л. 50; 26, л. 2; 27, л. 5–5 об.; 18, л. 63–67; 28, л. 19, 22, 50, 83–95]. Преподаватели КГПИ не сразу отреагировали на перемены на «идеологическом фронте». Причины этого имели объективный характер: ужасающее материальное положение вуза; отсутствие необходимых площадей (их не спешили возвращать институту ни в конце войны, ни во второй половине 1940-х гг.); трёхсменность учебных занятий; постоянно не работавшие водопровод, канализация, отопление, грязь в общежитиях. Преподаватели и студенты валились с ног, недоедали и недосыпали, много работали и подрабатывали, количество общественных поручений преподавателей-коммунистов превышало границы благоразумия и др. Преподавательский коллектив был многонациональным. Изрядно поредевший в начале войны, он пополнялся эвакуированными преподавателями-украинцами, белорусами, евреями, татарами, литовцами, армянами и др. Среди них были представители «столичных» и провинциальных вузов, известных науч-

ных школ. Все они жили и трудились примерно в одинаковых условиях, озабоченные решением насущных учебных, научных, материально-бытовых проблем [22, л. 31 об., 33, 50 об., 52 об.; 29, л. 33; 26, л. 14; 18, л. 55, 56; 28, л. 2–5; 30, л. 1–3 об.]. Так, в 1946 г. руководство КГПИ отмечало, что институт «находится в наихудших условиях по сравнению с другими вузами» города [18, л. 56]. Студент истфака, член партбюро КГПИ Исаак Моисеевич Моливер открыто заявил на одном из партсобраний: «Прежде чем говорить об идеологической работе, нужно говорить о бытовых условиях» [22, л. 50 об.]. Фрунзенский РК ВКП(б) в лице инструктора отдела агитации и пропаганды Шепелева в декабре 1947 г. упрекал партбюро пединститута в том, что оно «все еще не добилося от городских и областных организаций конкретной помощи, обеспечивающей с хозяйственной стороны нормальную работу института, учебу и быт студенчества. Поэтому помещений в институте как для учебных, так и для бытовых целей (общежития) совершенно недостаточно. К тому же в учебном корпусе и в общежитиях холодно, света недостаточно, нет удовлетворительной канализации и водоснабжения. Все это отражается на качестве учебы студентов, а также на организации массово-политической работы» [18, л. 61]. Руководство райкома было право. На изменение политико-идеологических ориентиров значительная часть преподавателей реагировала достаточно формально, а чаще всего отвечала молчанием. Факультеты нередко запаздывали с обсуждением и претворением в жизнь «исторических решений партии» в области идеологии. Так, Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14 августа 1946 г. впервые обсуждалось в КГПИ только 8 октября этого года [22, л. 41, 42 об., 44].

В начале 1946/1947 учебного года на факультетах прошли выборы партторгов, С.Г. Басина избрали на эту должность на историческом факультете, и до весны 1947 г. его работа не вызывала нареканий [26, л. 16, 20]. Осенью 1946 г. реализация в пединституте указанного постановления о журналах приобрела форму стенографирования и последующего публичного обсуждения учебных лекций с соответствующими выводами. Данное мероприятие связали с необходимостью перестройки всей работы вуза «в свете решений ЦК ВКП(б)», оно коснулось всех преподавателей [22, л. 43 об.]. Начали с обсуждения лекций двух руководящих работников – доцентов кафедры педагогики и психологии Василия Дмитриевича Иванова и Николая Львовича Шиммеля. В апреле – ноябре 1946 г. В.Д. Иванов являлся директором КГПИ, а Н.Л. Шиммель – его заместителем по учебной части. У них были сложные отношения, что неоднократно отмечали члены партбюро института; критикуя друг друга, они нередко прибегали к весьма резким выражениям. Справедливости ради заметим, что в большей степени это было характерно для Н.Л. Шиммеля. Так, он заявил, что для лекций Иванова характерны бессистемность в изложении материала, отсутствие четких формулировок, он «проявляет зазнайство в своей подготовке»; Иванов не работает над повышением своего идейно-политического уровня. Последовала реакция В.Д. Иванова, заявившего, что ему хотелось, чтобы указали ошибки, а не «огульно охаивали». Еще более резкие обвине-

ния прозвучали в выступлении Сурена Тумасовича Аздуни (зав. каф. основ марксизма-ленинизма, член партбюро КГПИ). Он утверждал: лекции В.Д. Иванова «без идейны» (так в тексте), он «отрицает партийность науки», «допускает ошибки в определении классового и бесклассового воспитания» [22, л. 41 об., 42 об., 43]. Подобная модель «обсуждения» лекций прошла апробацию на всех факультетах и кафедрах и имела тенденцию к расширению «методологической» части (поиск политических и т.п. ошибок). Интересно отметить, что тон обсуждения лекций, научной и общественной работы преподавателей, подвергшихся критике, мог меняться в течение одного партийного собрания или заседания партбюро. Например, казалось бы, в адрес В.Д. Иванова сказано достаточно, однако Яков Аронович Роткович (зав. каф. советской литературы и методики литературы, зам. секретаря партбюро КГПИ по агитационно-массовой работе) в заключительном слове, в котором подводил итоги обсуждения своего доклада, посвященного Постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. и доклада А.А. Жданова, обвинил Иванова еще и в «извращениях». Дело в том, что руководство партийной организации КГПИ пыталось уяснить, как применять новые партийные директивы в педагогическом вузе. О существовавших «трудностях понимания» и свидетельствует заключительное слово А.Я. Ротковича. Он прямо говорил о необходимости «понять» указанные доклад и Постановление. И их поняли как «боевую программу всей дальнейшей учебно-педагогической, научной и массово-политической работы института» [22, л. 43 об.]. Протоколы партийных мероприятий второй половины 40-х гг. свидетельствуют о том, что в учебной и научной практике КГПИ догматизировались такие тезисы высказывания А.А. Жданова, как: не «бояться принципиальной, смелой, откровенной и объективной критики», без которой «любая организация... может загнить»; нельзя увлекаться «текущей практической работой» в ущерб «идейно-воспитательной работе»; о превосходстве советской культуры; «молодое поколение должно быть воспитано стойким, бодрым, не боящимся препятствий, идущим навстречу этим препятствиям и умеющим их преодолевать»; нужно «воспитывать молодежь в духе беззаветной преданности советскому строю, в духе беззаветного служения интересам народа»; о «величайшем вреде» подмены «принципиальных отношений приятельскими» и др. [31, с. 22, 23, 26–29].

На открытом партсобрании института, состоявшемся 8 октября 1946 г., в выступлениях Алексея Ивановича Метченко (декан факультета языка и литературы), С.Т. Аздуни, Никифора Ильича Панкова (член партбюро КГПИ), а также в постановляющей части собрания прозвучали новые требования к работе вузовского коллектива. Они обсуждались затем на многих партийных мероприятиях институтского и факультетского уровня. Первое из них имело категорический характер и включало в себя не только перестройку учебных курсов, работы кафедр, но и отношений между преподавателями: в новых реалиях изжили себя «приятельские» и «не приятельские отношения», на первый план вышли «деловые товарищеские отношения», неотъемлемой частью которых должны стать критика и самокритика. Второе требование (А.И. Метченко) касалось более пристального

наблюдения за студентами – выходцами из семей, где «сильно мелкобуржуазное влияние». В заключительной части заседания партсобрания содержалось требование усилить контроль над преподаванием со стороны дирекции, деканов, заведующих кафедрами, «проверяя... не только качество самих занятий, но и качество подготовки к ним» [22, л. 43, 44], что позволяло предъявлять любые претензии преподавателям, не утруждая себя аргументацией.

Нельзя не упомянуть о еще одной тенденции, свидетельствующей о возвращении к практике 1930-х гг. От преподавателей требовали обязательного признания своих ошибок. Отказ и попытка отмолчаться приводили к новым обвинениям. На упомянутом партсобрании С.Т. Аздуни и Н.И. Панков поставили в вину В.Д. Иванову, что он «не хочет признать свои ошибки» [22, л. 43]. Хорошо известно, что и признание не всегда снимало вину с «кающегося».

«Война на идеологическом фронте», естественно, задела и кафедры исторического факультета, на котором работал С.Г. Басин. Появились первые «жертвы». Политические ошибки выявили осенью 1946 г. в лекциях Павла Трофимовича Смолянина, недавно принятого на работу. Его кандидатская диссертация, защищенная в МГУ им. М.В. Ломоносова, была посвящена истории крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. По мнению заведующего кафедрой истории СССР В.И. Писарева, Смолянин неправильно понимал процесс образования классов [22, л. 42]. 28 ноября 1946 г. на закрытом партсобрании КГПИ в докладе А.Я. Ротковича «О постановлении Куйбышевского горкома ВКП(б) о политических и теоретических извращениях, допущенных в лекциях доцентом В.Д. Ивановым», в прениях по докладу прозвучала критика работы исторического факультета, в основном кафедры всеобщей истории. Интерес представляют не столько предъявленные претензии (они имели стандартный характер – не обеспечен должный идейный уровень и т.п.), а содержание запротоколированных выступлений заведующего кафедрой всеобщей истории Вениамина Александровича Стаального, преподавателей кафедры истории СССР Е.И. Медведева, С.Г. Басина и др. В.А. Стаальный заявил: «Требование коренной перестройки нашей работы мне непонятно» и не побоялся сказать о предвзятой позиции докладчика (Ротковича): преследовалась цель доказать, что «в работе кафедры имеются извращения». Е.И. Медведев, невзирая на то, что выполнял функции председателя на этом партсобрании, резко высказался о работе комиссии, которая анализировала работу кафедры истории СССР. По его словам, члены комиссии пришли, имея на руках заранее «составленные резолюции», и добавил, что «в такой атмосфере работать кафедре чрезвычайно трудно». Данную позицию разделял и С.Г. Басин [22, л. 47 об., 49–49 об., 51].

В феврале 1947 г. исторические кафедры обвинили в «формальной перестройке» работы. От идеологических вопросов и поисков «отступников» дирекцию и руководство партийной организации КГПИ в известной мере отвлек вопрос, требующий безотлагательного вмешательства – «о коренном улучшении быта студентов». На закрытом партсобрании 25 февраля 1947 г. обсуждались причины невыполнения решения Куйбышевского обкома ВКП(б), встревоженного массовым отсеком студентов из института

после окончания войны (1945/1946 уч. год – 332 чел., с 1 сентября 1946 по январь 1947 г. – 202 чел.). Нельзя не отметить, что обсуждение этой проблемы проходило более живо и заинтересованно, чем собрания по идеологии. Выступавшие открыто заявили: «институт растащен» (И.А. Мальцев); принадлежавшие институту до войны здания не возвращают; о «бездушном отношении» к студентам, о невозможности их нормального проживания в общежитиях на ул. Пионерской, 5 и ул. Степана Разина, 65 в отсутствии отопительной системы, постельных принадлежностей, столовой и др. [26, л. 2, 4 об., 5 об., 6–6 об., 9]. Кстати, ранее 4 февраля 1947 г. на заседании партбюро высказался Н.Л. Шиммель: «В институте идет сплошное воровство» [32, л. 11 об.] – и никто не оспорил данное утверждение.

28 марта 1947 г. было принято совместное постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О создании судов чести в министерствах СССР и центральных ведомствах», 16 июля этого же года появилось «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина». Оба документа нацеливали на выявление антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков, на борьбу против влияния буржуазной культуры [33, с. 253, 254, 260]. На это событие руководство и парторганизация КГПИ отреагировали своевременно. 4 августа 1947 г. состоялось общее партийное собрание пединститута (председатель – секретарь партбюро Федор Яковлевич Водоватов, секретарь – Татьяна Александровна Александрова). Внимание всех присутствующих и, прежде всего, заведующих кафедрами, деканов было обращено на «необходимость открытого контроля за качеством лекций и практических занятий». Более всего «отличились» на этом поприще кафедры гуманитарных дисциплин (в том числе и истфака), которые вели борьбу в первую очередь с «преклонением перед Западом», воспитывая у студентов чувство советского патриотизма. Так, профессор В.И. Писарев в процессе посещения занятий членов своей кафедры выявил опять провинившегося старшего преподавателя П.Т. Смолянина, который не давал студентам «резко отрицательной характеристики немецкого заилия при Анне Ивановне». Ф.Я. Водоватов подчеркнул необходимость в 1947/1948 учебном году добиться соответствия всех читаемых лекционных курсов постановлением ЦК ВКП(б) 1946–1947 гг. и упомянутому закрытому письму. Главная цель каждого курса – воспитание «идейно стойкого, интересам Родины преданного, готового к преодолению трудностей советского человека» (прямая отсылка к докладу А.А. Жданова). На собрании поставили вопрос о бдительности, в том числе в подборе педагогических кадров, о критическом подходе к обсуждению защищаемых в КГПИ диссертаций [18, л. 62; 26, л. 71–71 об.]. Интересная деталь: несмотря на указанное партсобрание, на котором был принят проект постановления, поддерживающий все тезисы закрытого письма [26, л. 73–75], пришлось второй раз собираться по этому поводу, так как на первом собрании присутствовали всего 55 членов и кандидатов в члены ВКП(б). Закрытое и более многочисленное партсобрание (110 членов и кандидатов в члены партии) с той же повесткой состоялось 30 сентября 1947 г. (председатель – секретарь партбюро Иван

Андреевич Павлов, секретарь – Я.А. Роткович) [26, л. 71, 76–77 об.].

14 октября 1947 г. С.Г. Басин и К.Я. Наякшин присутствовали на заседании партбюро института. На нем разбиралось заявление Наякшина, поданное еще в июне. В нем он информировал партийную организацию о выступлении Басина. Изложенные в заявлении факты проверил член партбюро Н.И. Панков. На заседании он сообщил, что Басин в своем выступлении использовал «пособие... врага Вогоняна о Белинском» и этот факт не отрицает [27, л. 15, 16–16 об.]. Чтобы понять, о чем шла речь, необходимо обратиться к истории защиты кандидатской диссертации К.Я. Наякшина. По некоторым причинам ему не удалось защитить свою первую кандидатскую диссертацию по методике преподавания истории Древнего мира в средней школе. 2 июня 1947 г. на заседании Ученого совета Куйбышевского пединститута он защитил вторую кандидатскую диссертацию «Роль В.Г. Белинского в развитии русской исторической мысли». Оппонентами по диссертации являлись заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор МГПИ им. В.И. Ленина и МГПИ им. В.П. Потемкина В.Н. Бочкарев и кандидат исторических наук, доцент КГПИ Е.И. Медведев. Судя по всему, защита была бурной: «за» присуждения Наякшину ученой степени кандидата исторических наук проголосовали 8 членов Ученого совета, «против» – 5 [25, л. 11; 34, л. 1]. Сохранившийся протокол защиты не дает представления об участниках состоявшейся полемики и о сути претензий к диссертации. Известен только один человек, выступавший на защите, – С.Г. Басин, который, по-видимому, упрекнул соискателя в том, что он не использовал сборник статей, посвященный В.Г. Белинскому с предисловием В.А. Тер-Ваганяна [35]. В силу многотрудного жизненного опыта К.Я. Наякшин отличался весьма неудобным для коллег качеством – умением видеть в замечаниях, адресованных ему, «слабые» стороны и немедленно обращать их против критиков. Так получилось и в этот раз. К.Я. Наякшин действительно не использовал в диссертации ни одну из работ В.А. Тер-Ваганяна, так как, будучи старше молодого ученого С.Г. Басина на 16 лет и обладая въедливым характером, хорошо знал, на кого можно было сослаться в то время. В.А. Тер-Ваганян – одна из ключевых фигур так называемого «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» был расстрелян в августе 1936 г. На К.Я. Наякшина и членов партбюро неприятное впечатление произвело заявление С.Г. Басина о том, что работу он упомянул, а что Ваганян – «враг народа», он не знал. Данный случай, а также история с «провокатором Зеленским», о которой речь впереди, свидетельствуют о том, что Соломон Герцевич в юности, а также в первые послевоенные годы имел слабое представление о политических процессах второй половины 1930-х гг. Тщетно пытался оправдать Басина профессор В.И. Писарев, упиравший на то, что тот сослался на «врага народа» без злого умысла. Я.А. Роткович, Т.И. Александрова, И.А. Мальцев, Ф.Я. Водоватов и, естественно, К.Я. Наякшин добились того, что за допущенный Басиным «антипартийный поступок» ему «поставили на вид». Партбюро также приняло решение сформировать бригаду по

проверке работы кафедры истории народов СССР, которая должна акцентировать внимание на подготовке и политическом воспитании аспирантов. Проверку планировали завершить к 10–12 ноября. Прямым следствием произошедшего было то, что С.Г. Басин впервые попал в поле зрения партийного руководства пединститута как человек политически безответственный (К.Я. Наякшин), в выступлениях которого нередко «проскальзывают антипартийные элементы» (Ф.Я. Водоватов), который может повторить свои политические ошибки (Я.А. Роткович) [27, л. 15, 16–16 об., 17–17 об.]. Данный вывод подтверждают и материалы заседания партбюро КГПИ от 26 апреля 1949 г. [36, л. 3].

24 декабря 1947 г. на заседании партбюро КГПИ заслушали итоги проверки кафедры истории народов СССР (доклад Н.И. Панкова). Соглашаясь с выводами комиссии в целом, заведующий кафедрой В.И. Писарев оспорил ее частные выводы в отношении себя, в том числе предъявленное обвинение в пропаганде «покровщины». Недоволен работой комиссии был и К.Я. Наякшин. Он утверждал, что она не проверила должным образом качество лекционных курсов (П.Т. Смолянина, Н.Н. Яковлева, С.Г. Басина) и научных публикаций (В.И. Писарева). Н.Л. Шimmel утверждал: «Истфак у нас разболтался, там нет твердого руководства». Выступление А.Я. Ротковича, по-видимому, было записано с пропусками, так как его отдельные части не согласуются между собой. Заслуживает внимания упрек, брошенный им в сторону В.И. Писарева, что тот когда-то подал в учебную часть протокол (наверное, заседания кафедры), в котором содержались «нелестные характеристики для всех членов кафедры» [27, л. 37 об., 38].

Во втором полугодии 1947/1948 гг. произошло несколько важных событий. В январе нового года усилились нападки на кафедру истории народов СССР. Во многих лекциях, в том числе С.Г. Басина, были обнаружены серьезные политические ошибки. Как всегда, наиболее резко критиковал учебную и научную деятельность кафедры К.Я. Наякшин [30, л. 4–7 об.].

Неотъемлемой частью повседневной жизни вуза рассматриваемого периода было постоянное выяснение отношений между преподавателями, связанное не только с внутренними материально-бытовыми, учебными и научными проблемами, но и очередными новациями в области идеологии. До поры до времени эти отношения не заходили за определенную черту. Однако это произошло зимой 1948 г. 15 февраля проходило отчетно-выборное партийное собрание, на котором обсуждалось два главных вопроса: отчет секретаря партбюро КГПИ (доклад Ф.Я. Водоватова) о работе партбюро (за июнь 1946 г. – февраль 1948 г.) и выборы нового состава партбюро. По этой причине мероприятие было представительным. Присутствовали 136 членов и кандидатов в члены ВКП(б) первичной партийной организации (из 182), представители местных партийных (И.И. Ерманов – зав. отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б); из Фрунзенского РК ВКП(б): Александрович – секретарь, Гольдина – зав. отделом пропаганды) и государственных органов власти (Н.А. Пылев – заместитель председателя облисполкома). В прениях по докладу Ф.Я. Водоватова выступили 19 человек. Гольман (не удалось ничего выяснить о нем) заявил, что

парторганизация недостаточно занимается интернациональным воспитанием студентов. Так, в студенческой среде получили распространение антиеврейские, антиармянские анекдоты. Один из преподавателей во время приема в партию «одного нашего товарища» поинтересовался его национальностью, а «какое это имеет значение?». Возмущение Гольмана по этому поводу вполне понятно: практически на каждом партсобрании института преподавателей и студентов принимали в кандидаты или члены партии. Им задавали много вопросов, касающихся социального происхождения, родителей, поведения во время войны, успеваемости, учебной, научной и общественной деятельности и других, но никогда до зимы 1948 г. не звучал вопрос о национальности вступающего в партию. Поначалу реакции на выступление Гольмана не последовало. Затем студент исторического факультета И.М. Моливер (фронтовик, бывший сапер, награжден медалью «За оборону Сталинграда») также отметил пробелы в интернациональном воспитании в институте. Впервые так резко на партийном собрании выступил и С.Г. Басин. Он назвал фамилию преподавателя, которую не решился назвать Гольман. Им оказался Иван Алексеевич Александров. Соломон Герцевич сказал следующее: «Я считаю, что поведение т. Александрова на прошлом собрании было шовинистическим, в институте не ведется интернациональной воспитательной работы. При приеме в партию у нас человека определяют не по... нации, а по работе. Я требую, чтобы этот вопрос был обсужден и поведение Александрова осуждено как шовинистическая вылазка. Об этом я написал в редакцию «Волжской Коммуны» и в ЦК ВКП(б)». И.А. Александров не увидел ничего оскорбительного в своем поведении: «На собрании я не говорил о национальном признаке приема в партию, а я спросил товарища: «Когда он стал писаться русским». Меня это интересовало» [28, л. 6–8]. По-видимому, на собрании были и другие выступления, не попавшие в протокол. Об этом косвенно свидетельствует высказывание И.И. Ерманова в конце собрания: «Много говорили об интернациональном воспитании. Из выступлений видно, что крик и шум идет впустую и надуманно». Можно представить, как были ошеломлены недавние фронтовики, в том числе и С.Г. Басин, услышавшие из уст человека, отвечавшего за важный участок идеологической работы в области: «... можно ли спросить вступающего в партию о том, с каких пор он стал русским, если у него была другая национальность. Почему бы не ответить на этот вопрос? Что же вы скрываете свою национальность? Бойтесь ее?». Вероятно, самому И.И. Ерманову был хорошо известен ответ на этот вопрос [28, л. 9 об.]. Примечательно, что ни в заключительном слове Ф.Я. Водоватова, ни в постановлении партсобрания ни слова не было сказано о недостатках в сфере интернационального воспитания.

Нельзя не сказать о личности И.А. Александрова. Уроженец Уфимской губернии (д. Дедово, 1902 г.); член партии с 1919 г.; участник Гражданской войны (воевал на Восточном фронте, боролся с бандами на территории Башкирии); выпускник Института красной профессуры (1933 г.). С 1939 г. работал старшим преподавателем на кафедре основ марксизма-ленинизма в КГПИ. В августе 1941 г. был призван в

РККА (батальонный комиссар 346 стрелковой дивизии 61 армии); за подвиги, совершенные весной-летом 1942 г. (дважды был ранен в голову, но не покинул поле боя; вывел большую группу бойцов из окружения), в июне 1943 г. был награжден орденом Красной Звезды. В июле 1945 г. вернулся к преподавательской работе в Куйбышевском пединституте. 3 ноября 1947 г. И.А. Александров защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) на тему: «Чернышевский и его борьба с идеализмом» [37–40]. Уже в молодые годы он имел опыт борьбы с «классовыми врагами» – с «кулацко-эсеровскими» элементами, «троцкистами»; в 30-е гг. он лично выявил несколько «врагов народа», о чем рассказал в автобиографии [39, л. 3–4 об.]. Часть перечисленных им лиц, к разоблачению которых он был причастен в Новосибирской области (Я.М. Альперович, И.И. Ляшенко, И.М. Миллер и др.), можно найти в монографии С.А. Папкова [41, с. 68, 162, 163, 239, 240, 373–375]. Судя по изученным документам, И.А. Александров – человек прямой, грубоватый, немало переживший за свою жизнь, и в послевоенные годы не утратил интереса к поиску новых «врагов». В их число попал и С.Г. Басин.

Летом 1948 г. за ненадлежащее руководство учебным процессом сняли с должности заместителя директора КГПИ Н.Л. Шиммеля; по собственному желанию освободили от должности секретаря партбюро вуза Ф.Я. Водоватова. Их должности заняли соответственно Н.И. Панков и И.А. Павлов [30, л. 92].

Серьезные неприятности для института в целом и отдельных преподавателей в частности последовали в новом 1948/1949 учебном году. В первом семестре бурно обсуждались итоги июльско-августовской 4-й сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, шел поиск «вейсманистов-морганистов», «противников мичуринского направления» на кафедрах естественного факультета и некоторых других. Одной из главных мишеней для критики был выбран крупный ученый Степан Маркович Шиклеев (зав. каф. зоологии и дарвинизма в 1946–1948 гг.) [42, с. 628], в итоге уволенный из КГПИ в 1949 г. Партбюро обязало усилить контроль за идейно-политическим содержанием всех преподаваемых дисциплин, акцентируя внимание на борьбе с главным врагом – «реакционным идеализмом» [28, л. 83–95; 30, л. 124–132; 43, л. 11]. 2 ноября 1948 г. состояние идеологической работы в пединституте обсуждалось на заседании бюро Куйбышевского горкома ВКП(б). 16 ноября за ним последовало проведение закрытого партийного собрания в самом КГПИ, на котором рассматривалось принятое на бюро ГК ВКП(б) решение. С докладом выступил секретарь горкома партии Деревнин. В его распоряжении находилось не только решение бюро, но и материалы работы комиссии горкома партии, которая обследовала, в частности, деятельность кафедры педагогики, которую ранее возглавлял С.Т. Аздуни, уехавший осенью 1948 г. на работу в Казанский государственный университет (по меткому выражению Б.Н. Глатман – «улизнул от ответственности»). При чтении протокола собрания особенно тяжелое впечатление производит «коллективное самобичевание»: каются в идеологических ошибках секретарь и члены партбюро института, деканы, заведующие кафедрами

практически всех факультетов, некоторые преподаватели при этом утверждают, что еще не все недостатки были замечены комиссией и перечисляют их (Ф.Ф. Захаров). И.А. Александров обвиняет С.Г. Басина, Э.И. Гельман (преподаватель каф. английского языка) и И.М. Моливера в том, что они якобы все знали о «грязных» делах С.Т. Аздуни, но предпочитают молчать о них на собрании. Преподаватель кафедры педагогики Черкасова в своем выступлении говорит о том, что членам комиссии горкома было нелегко работать в институте, так как «уличенные» в ошибках коллеги не хотели их признавать: «Перелом произошел недавно». Можно только догадываться, как произошел этот «перелом». В постановлении, принятом на собрании, подчеркивалось неудовлетворительное состояние идеологической работы в институте, ряд преподавателей обвиняли в том, что они «в своих лекциях недостаточно уделяют места разоблачению буржуазного мировоззрения и культуры, не убедительно раскрывают преимущество советского государственного и общественного строя, приоритет советской науки и культуры, марксистско-ленинского мировоззрения». В указанных недостатках оказались «виновны» и кафедры исторического факультета [28, л. 100, 102–114].

13 февраля 1949 г. на закрытом партсобрании КГПИ резко критиковали работу партийной организации (секретарь – Л.А. Ганкин) и декана исторического факультета В.А. Стального. Здесь же прозвучал упрек в адрес всей партийной организации вуза – «недостаточное разоблачение космополитов» [43, л. 3–10, 15]. 22 марта на закрытом партийном собрании слушали итоги работы XII районной и XI городской партийной конференций (доклад И.А. Павлова). В прениях первым выступил В.А. Стальный. Он признал критику истфака на прошлом партсобрании правильной и внес предложение по повышению идейно-теоретического уровня преподавателей. В выступлениях также прозвучала критика доклада И.А. Павлова за то, что в нем не освещен вопрос о борьбе с космополитизмом (Ф.Н. Селиверстов, И.А. Александров, Т.А. Александрова, Н.А. Веселов). С.С. Ерышев отметил, что многие в институте «не понимают вопроса о космополитизме» и не связывают его с пединститутом. Одно из проявлений космополитизма в вузе усмотрели, например, в том, что на некоторых кафедрах, в кабинетах, в частности в кабинете физики, «нет портретов наших физиков, зато в кабинете много портретов иностранных» [43, л. 81, 82, 83].

Борьбу с космополитизмом на историческом факультете можно датировать 4 апреля 1949 г. В этот день на закрытом партсобрании заведующие кафедрами – Николай Николаевич Яковлев (каф. истории СССР) и В.А. Стальный (каф. всеобщей истории) зачитали основной доклад и содоклад о борьбе космополитизмом и его проявлениях. В докладе Яковлева космополиты впервые (на истфаке) именуются «бездородными» и приравниваются к буржуазным националистам. Оба докладчика солидарны в том, что космополитизм – это «идейное оружие англо-американского империализма», борьба с ним – важнейшая задача «коммунистического воспитания масс». Проявления космополитизма есть и в вузах, они выражаются, прежде всего, в «низкопоклонстве» перед буржуазной наукой и принижении русской науки и культуры. На собрании резко критиковались лекции Владимира Ивановича Маркова, П.Т. Смолянина,

диссертации К.Я. Наякшина, С.Г. Басина, Доры Наумовны Кейсер, а также поведение Е.И. Медведева, продолжавшего защищать диссертацию К.Я. Наякшина о В.Г. Белинском, хотя, как отметил Н.Н. Яковлев, ВАК работу отвергла. Следует подчеркнуть: партийное руководство факультета, декан и заведующие кафедрами не решились связать напрямую выявленные «ошибки и извращения» коллег с борьбой с космополитизмом. Однако некоторые из тех, кого критиковали, предчувствовали дальнейший ход событий. Так, С.Г. Басин, отвечая на обвинения Ф.Ф. Захарова, сказал: «Нельзя мне приписывать буржуазный национализм, я сын советского времени». В резолюции собрания кроме перечисления фамилий особо провинившихся преподавателей (Марков, Басин, Кейсер), содержались рекомендации прорецензировать в контексте обсуждаемого вопроса учебники по всеобщей истории и истории СССР и довести до студентов результаты рецензирования; усилить контроль над содержанием лекций и др. [44, л. 81–92 об.].

Один из наиболее информативных документов по интересующей нас теме это доклад члена партбюро КГПИ Фатиха Абдалловича Буранова «О буржуазном космополитизме» [43, л. 106–140]. В 1941–1945 гг. он работал преподавателем в Куйбышевском военном училище связи. Был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После отъезда С.Т. Аздуни в Казань его назначили заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма [45, л. 58–58 об.]. Доклад заслушивался дважды: на заседании партбюро КГПИ 11 апреля и на закрытом партийном собрании вуза 12 апреля 1949 г. Композиционно он делится на 3 части. В первой из них Буранов подробно рассматривал содержание терминов «космополит» и «безродный космополит» и, обобщая сущность этого явления, сделал вывод: эта «болезнь» поразила не только деятелей культуры, но и философов, историков и др. Основная суть космополитизма – «макро-вый буржуазный национализм», борьба с ним затрагивает «жизненные интересы советского народа» [43, л. 106, 108, 113]. Вторая часть доклада посвящена детальному выявлению признаков космополитизма на факультетах и отдельных кафедрах КГПИ, в работе дирекции, партбюро института и др. Называются имена преподавателей, чьи работы и лекции «протаскивают» (выражение Буранова) космополитизм, буржуазный объективизм, кто нарушает ленинский принцип партийности в научной и преподавательской деятельности. Наиболее резкой критике подвергаются А.Я. Роткович, С.Г. Басин, Д.Н. Кейсер, В.И. Марков и др. Необходимо отметить, что Ф.А. Буранов внимательно прочитал кандидатскую диссертацию С.Г. Басина, а также материалы процесса над «антисоветским правотроцкистским блоком» (1938 г.). По мнению докладчика, главная политическая ошибка Басина заключалась в том, что он выдал «provokatora, изменника родины, шпиона иностранных разведок» за одного из руководителей самарской организации большевиков. Особое возмущение Буранова вызвала сноска в диссертации на странице 349 о «двух Зеленских»: И. Зеленском – provokatore, агенте охраны и Исааке Абрамовиче Зеленском, якобы ничего общего с ним не имевшем [43, л. 122–124]. В третьей части доклада перечислялись причины недостаточной борьбы с космополитизмом в КГПИ. Партийных и

беспартийных преподавателей вуза Буранов строго предупреждал: «борьба с космополитизмом не кампания», а систематическая работа по его разоблачению во всех проявлениях; необходимо как можно скорее избавиться от «гнилого либерализма» в этом вопросе дирекции, учебной части, руководству факультетов и кафедр [43, л. 136–140].

«Проработка» С.Г. Басина, как и других лиц, упомянутых в докладе Ф.А. Буранова, состоялась сразу после его выступления 11 апреля на заседании партбюро КГПИ. В.А. Стальный попытался защитить кафедру истории СССР и косвенно – С.Г. Басина. В частности, он категорически отверг обвинение Буранова о «семейственности» на историческом факультете [46, л. 61–62]. Это было связано с тем, что в своем докладе Буранов назвал «семейственность» одним из «характерных признаков в поведении разоблаченных безродных космополитов», подчеркнув, что она «широко культивировалась на истфаке» [43, л. 128]. Выступал и С.Г. Басин, который признал, что сделал в диссертации «враждебную ссылку», но продолжал настаивать, что Зеленских было двое, один из них – provokator. Также он попытался опереться на авторитет известных историков, читавших его диссертацию накануне защиты – Н.М. Дружинина и А.М. Панкратову – и не обнаруживших в ней предосудительных фактов [46, л. 64]. Отметим, что во второй части заседания обсуждалось персональное дело одного из самых активных членов партбюро и борцов с «космополитами» в вузе. На имя замдиректора КГПИ Виктора Степановича Чепурнова поступило анонимное заявление, по видимому, написанное студентами, уставшими от появления указанного преподавателя на занятиях в нетрезвом виде. Само по себе подобное дело не являлось чем-то из ряда вон выходящим для того времени. В данном случае интересно, что характер обсуждения этого персонального дела контрастирует с накалом обсуждения преподавателей, уличенных или заподозренных в малейших политических ошибках, и особенно в «космополитических». Несмотря на то что отдельные члены партбюро возмущались неподобающим поведением своего товарища, 7 из 10 членов партбюро проголосовали за выговор без занесения в личное дело, а трое оставшихся – за простое предупреждение [46, л. 67].

На закрытом партсобрании (12–13 апреля 1949 г.) состоялось более широкое обсуждение упомянутого доклада Ф.А. Буранова. От известных «космополитов» КГПИ – А.Я. Ротковича, С.Г. Басина, Д.Н. Кейсер – пытаются добиться публичного покаяния. Это происходит на фоне покаянных выступлений деканов факультетов, заведующих кафедрами, отдельных преподавателей, каждый из которых спешит обнаружить у себя, на своих факультетах, кафедрах пусть и незначительные, но «космополитические ошибки» (З.О. Бурунов, Белогорцев, Н.А. Кашеев, В.А. Стальный, В.Д. Иванов, Толмачев, Н.Л. Шimmel, А.Г. Березкина, В.А. Бочкарев, Н.Н. Яковлев, Т.А. Александрова и др.) [43, л. 88–100]. При этом вольно и невольно называются все новые и новые имена «виновных» преподавателей, которые не упоминались ранее, таким образом, круг обвиняемых ширится. Из общего «покаянного» настроения выбивается выступление Е.И. Медведева. Не забыв упомянуть ошибки в

своей кандидатской диссертации, защищенной еще в 1942 г., он неожиданно для всех присутствующих заявил, что отклоненная ВАК кандидатская диссертация К.Я. Наякшина тем не менее достойна кандидатской степени, «ибо отзыв на нее дан Министерством высшей школы фальшивый» [43, л. 96]. Если принять во внимание, что как всегда малограмотная стенографистка частично исказила слова Медведева, то за общий смысл выступления можно ручаться. Тем более что К.Я. Наякшин, как только ему дали возможность ознакомиться с указанным отзывом, весьма убедительно опроверг все пункты обвинения анонимного рецензента по содержанию диссертации [47; 48, с. 238].

С.Г. Басин в своем выступлении повторил причины ошибок, допущенных в диссертации, озвученные ранее: «неопытность»; не знал, что Зеленский – провокатор, разоблаченный в 1938 г.; некритическое отношение к литературе. Но его объяснения не устроили ни дирекцию, ни партийное руководство вуза, ни присутствующего на заседании заведомо агитации и пропаганды Куйбышевского обкома ВКП(б) А. Капитонова, не склонного по роду своей деятельности доверять «безродным космополитам», которые должны отвечать за свои поступки. Дальше всех в обвинениях С.Г. Басина заходит заместитель директора по учебно-научной части В.С. Чепурнов. Он предложил подумать: не стоит ли лишить в дальнейшем Ученый совет пединститута права присуждать ученые степени, а также поставить в ВАК вопрос о лишении кандидатских степеней С.Г. Басина и Д.Н. Кейсер. Данное предложение поддержала директор вуза – Анна Яковлевна Буровина. Секретарь партбюро И.А. Павлов не забыл сообщить присутствующим на собрании, что ошибки Басина не являются случайностью (припомнил историю с «врагом народа» Ваганяном). В итоге собрание постановило осудить грубейшие ошибки С.Г. Басина и Д.Н. Кейсер, «свидетельствующие о полной потере ими большевистской бдительности, ... и не осознавших свою вину» и пересмотреть вопрос об их ученых степенях [43, л. 97, 99, 100, 103–104].

В череде неприятностей, пожалуй, самым страшным днем в жизни С.Г. Басина, равно как и Д.Н. Кейсер и Я.А. Ротковича, стал вторник 26 апреля 1949 г., когда в течение одного дня два раза подряд обсуждались их «персональные дела». Это получилось случайно, так как их должны были обсуждать только на заседании партбюро вуза. Но потом на партийном собрании решили вновь обсудить уже рассмотренные на партбюро «персональные дела» в связи с важностью вопроса о космополитизме [43, л. 145]. Поэтому сначала состоялось заседание партбюро, которое вел И.А. Павлов, затем – закрытое партийное собрание КГПИ под председательством В.С. Чепурнова [46, л. 73–78; 43, л. 141–146]. В двух протоколах указанных мероприятий впервые все трое «обвиняемых» очевидно с умыслом фигурируют с полными именами и отчествами. Заседания проходили уже по отработанному сценарию: объявление «дела»; обвинения, сопровождающиеся иногда вопросами уточняющего характера; выступление-покаяние «обвиняемого»; прения по выступлению; вынесение наказания. Последняя часть (наказание) являлась, безусловно, наиболее важной и не отличалась разнообразием: строгий выговор или выговор с занесением в личное дело или учетную карточку. Правда,

Ф.А. Буранов утверждал: ошибки «космополитического характера заслуживают самой высокой кары» – исключения из рядов ВКП(б) [46, л. 74], но при этом не предлагал применить подобное наказание ко всем трем фигурантам. Крайне редко при обсуждении персональных дел члены партбюро или присутствующие на тех или иных заседаниях пытались найти какие-то оправдания лицам, уличенным в политических ошибках. Так было и 26 апреля. Но С.Г. Басина попытался защитить В.А. Стальский, чье положение по вполне понятным причинам было уязвимым. Не случайно в протоколах различных партийных мероприятий второй половины 1940-х гг. у него «меняется» отчество: «Александрович» на «Хананьевич» и наоборот, что не могло расцениваться им иначе как оскорбление. Он единственный допускал: «преступление» Басина – «это не умышленная ошибка», а результат торопливой работы над диссертацией, и на этом основании предлагал вынести ему выговор, а не строгий выговор. Самую непримиримую позицию по отношению к С.Г. Басину занимали В.С. Чепурнов, Н.И. Толмачев, М.И. Кухаревич. Чепурнов и поддержавший его Толмачев предложили кроме строгого выговора обсудить диссертацию Басина на Ученом Совете КГПИ и ознакомить с итогами обсуждения ВАК [46, л. 76, 77]. На заседании партбюро и партийного собрания проголосовали за вынесение С.Г. Басину строгого выговора с занесением в личное дело (на заседании партбюро за это решение проголосовали 6 человек из 10) [46, л. 77; 43, л. 146].

Далее судьбу С.Г. Басина и остальных решал Фрунзенский райком партии г. Куйбышева. Дело Басина поступило 21 мая 1949 г., а 1 июня на заседании бюро Фрунзенского райкома вновь заслушали обстоятельства его «дела». Вместе с Соломоном Герцевичем присутствовал Ф.Ф. Захаров. Принимая решение, члены бюро райкома опирались на решения первичной партийной организации, а также на характеристику Басина, подписанную И.А. Павловым 13 мая 1949 г. В ней наряду с такими сведениями, как год и место рождения, национальность, семья, образование, ученая степень, говорилось об участии С.Г. Басина в общественной работе пединститута. Завершал характеристику бездоказательный вывод о недобросовестном отношении Басина к руководству педпрактикой студентов [49, л. 3–6]. В выписке из протокола № 17 заседания бюро к указанным биографическим фактам добавились сведения о его службе в Красной Армии в 1941 г., о боевых наградах (ошибочно указана медаль «За оборону Ленинграда»). Также было отмечено, что ранее Басин партийных взысканий не имел; он считает решение первичной партийной организации в отношении его слишком суровым. В постановлении бюро указывалась правомерность партийного взыскания, наложенного на Басина, но, «учитывая его искреннее признание своей ошибки», бюро сочло возможным объявить не строгий выговор, а выговор с занесением в учетную карточку [49, л. 1–2]. Представляет интерес объяснительная записка Соломона Герцевича, написанная от руки на двойном листе из школьной тетради в линейку. В ней кратко в хронологической последовательности описывается история создания его диссертации. Басин пытался доказать: ни члены кафедры истории народов СССР, ни члены-корреспонденты АН СССР А.М. Панкратова и Н.М. Дружинин,

ни члены Ученого совета пединститута, ни референты экспертной комиссии ВАК не указали на допущенную политическую ошибку, в которой его обвинили в 1949 г. В записке не упоминается второй оппонент – Е.И. Медведев, возможно, потому, что в декабре 1948 г. – мае 1949 г. он был исключен из ВКП(б) за то, что скрыл факт принадлежности в 1935 г. к «троцкистской организации» [50, л. 1, 3, 7]. Разумеется, не случайно С.Г. Басин перечислил номера некоторых дел фонда Самарского губернского жандармского управления, где он обнаружил сведения о будущем «враге народа» Зеленском. Тем самым внимание «обвинителей» привлекалось к источниковой базе работы. Изложив аргументы в свою защиту, он попыток, что это не снимает с него ответственности, но «своей дальнейшей упорной работой...» постарается оправдать «доверие партии» [49, л. 7–8].

Наступил новый 1949/1950 учебный год. Состояние учебно-воспитательной, партийно-политической и научно-исследовательской работы на историческом факультете продолжало беспокоить партбюро вуза. 1 октября Е.И. Медведева уволили из КГПИ [24, с. 15]. В первом полугодии вновь отмечались серьезные политические ошибки в лекциях преподавателей факультета, в том числе и С.Г. Басина, упоминалось партийное взыскание, наложенное на него [51, л. 24–28; 43, л. 211], но при этом отсутствовали ссылки на его диссертацию. Выступления критиков потеряли былую остроту, вопрос о борьбе с космополитизмом, в том числе на истфаке, поднимается все реже, чувствовалась усталость от этой явно надуманной проблемы.

Практически все преподаватели пединститута, пострадавшие в политических кампаниях во второй половине 1940-х – в начале 1950-х гг., боролись за отмену несправедливых решений. 5 апреля 1950 г. С.Г. Басин обратился с заявлением в партбюро КГПИ с просьбой снять с него партийное взыскание [52, л. 2]. 7 апреля сначала на заседании партбюро, а потом 8 апреля на общем закрытом партсобрании института заявление было рассмотрено. На двух заседаниях заявление зачитывал секретарь партбюро И.А. Павлов. Члены партбюро (7 чел.) и присутствовавшие на собрании (116 чел.) единогласно постановили: ходатайствовать перед Фрунзенским РК ВКП(б) о снятии выговора Басину от 1 июня 1949 г. Одновременно рассматривалось заявление Я.А. Ротковича и аналогичное решение, принятое по его заявлению. Однако в случае с С.Г. Басиным фигурировала «политическая ошибка», допущенная им в диссертации, а с Я.А. Ротковичем – «ошибки космополитического характера». И еще одно немаловажное обстоятельство. Несмотря на то, что заявление Басина обсуждалось в присутствии И.А. Павлова, В.С. Чепурнова, Ф.А. Буранова и некоторых других коллег, неизменно осуждавших его за «извращения» в диссертации, теперь ни один из них не высказался против принятого решения [53, л. 42, 43; 54, л. 95].

11 апреля И.А. Павлов подписал характеристику на С.Г. Басина, которую представили в Фрунзенский РК ВКП(б). В ней вновь упоминалась «грубейшая политическая ошибка», допущенная в диссертации, но это единственный негативный факт, указанный в документе. В нем подробно перечислены все стороны общественной деятельности преподавателя (работал парторгом исторического факультета, замести-

телем председателя месткома профсоюза работников высшей школы, заведовал агитпунктом, выполнял обязанности консультанта, пропагандиста в сети партийного просвещения), подчеркнуто, что все поручения он исполнял добросовестно. [52, л. 4]. «Дело Басина» завершилось 12 апреля 1950 г., когда на заседании бюро Фрунзенского РК ВКП(б) было принято решение утвердить постановление первичной партийной организации КГПИ от 8 апреля, то есть снять выговор [52, л. 1]. Радовался ли он такому исходу событий? Нам кажется, что в полной мере случившееся он осознал, в частности, тогда, когда узнал о судьбе других коллег, неизмеримо больше пострадавших. Весной 1951 г. по ложному доносу арестовали доцентов КГПИ, кандидатов физико-математических наук Абрама Григорьевича Шустера (1904–1973) и Михаила Львовича Монастырского (1907–1987) и каждого осудили на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Их освободят в 1954 г., но до полной реабилитации в 1990-х гг. доживет только один из них. После освобождения оба ученых не вернулись в Куйбышевский педагогический институт [55, с. 380–404; 56, с. 194–195].

Нельзя кратко не затронуть вопрос об И.А. Зеленском (1890–1938). Информация о нем носит противоречивый характер, поэтому неудивительно, что молодой С.Г. Басин, действительно, мог запутаться, описывая его революционную деятельность в начале XX века в Самаре. Официальная биография И.А. Зеленского известна: советский государственный и партийный деятель, член РСДРП(б) с 1906 г.; неоднократно подвергался арестам и ссылке за революционную работу; участник Октябрьской революции в Москве; секретарь Московского комитета РСДРП(б), Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), председатель правления Центросоюза, член ЦИК СССР, член ЦК ВКП(б) и др. Расстрелян по делу антисоветского так называемого «право-троцкистского блока» 15 марта 1938 г. [57, с. 452–453; 58, с. 216]. В хронике революционных событий в Самаре (1936 г.) Ф.Г. Попов, опираясь, в частности, на агентурные сводки губернского жандармского управления (СГЖУ), включил множество ценных сведений о И.А. Зеленском как члене самарской большевистской организации [10, с. 221–230, 266, 291, 293, 297, 300]. В хронике перечислены и имена провокаторов, работавших внутри местной партийной организации, однако в их числе не фигурирует И.А. Зеленский. Во втором, расширенном издании хроники (1969 г.) Ф.Г. Попов дополнил данные о революционной деятельности Зеленского в Самаре в 1911–1912 и 1914 гг. [11, с. 311–312, 314–323, 375] информацией о событиях конца декабря 1916 г. На квартире одного из рабочих Трубочного завода состоялось собрание представителей вновь созданных большевистских кружков и групп. Один из 9 присутствующих – «Исай Зеленский (оказался провокатором)». В сноске Ф.Г. Попов указал: «Не смешивать с Исааком Зеленским, большевиком, активным деятелем Самарской организации» [11, с. 422]. Уже в наше время В.В. Ерофеев, ссылаясь на документы ЦГАСО, утверждает, что в 1916 г. на СГЖУ согласился работать член оргкомитета горкома РСДРП(б) И.А. Зеленский (агент «Слепой»). Однако в его книге есть и другой Зеленский – не Исаак, а Исай [59, с. 26, 30, 51, 53]. Представляет интерес рассекреченное письмо Самарского губернского от-

дела ОГПУ, направленное в местный истпарт в феврале 1924 г. В нем сообщается: по сведениям ОГПУ, Зеленский Исаак Абрамович начиная с 1912 г. состоял в социал-демократической партии большевиков и одновременно являлся филёром СГЖУ. Губотдел ОГПУ просил работников истпарта снять копии с соответствующих материалов, хранящихся в фондах СГЖУ, и немедленно отправить их в отдел. В письме указывалось, что Зеленский в настоящее время проживает в Самаре под чужой фамилией [60, л. 9]. И.А. Зеленский никак не мог находиться в Самаре в это время, работая в Москве, а затем в Средней Азии. Наиболее аргументированной публикацией, на наш взгляд, является статья Г.В. Галыгиной, главного специалиста отдела использования архивных документов ЦГАСО, в которой она пришла к выводу, что обвинение И.А. Зеленского в том, что он являлся провокатором, несостоятельно [13, с. 149].

С.Г. Басин прожил долгую, наполненную драматическими и счастливыми событиями жизнь, прожил вместе со своей страной, с семьей, которой он так дорожил, в ставшем ему родным волжском городе, педагогическом вузе. Описанные в статье события — лишь малая часть его биографии, мучительные моменты которой со временем, наверное, сгладятся, но не могли исчезнуть из его памяти. Сопоставляя воспоминания о нем бывших студентов, коллег, собственный «образ» историка, мы пришли к выводу, что рассматриваемый период стал во многом рубежным для формирования Соломона Герцевича как личности, педагога, ученого и общественного деятеля. Многим из тех, кто его знал, он казался весьма успешным, благополучным человеком. Его семейная драма (потеря родителей, единственной дочери), непосредственное участие в качестве действующего лица послевоенных политических репрессий в основном остались «за кулисами» жизненного бытия. Пройдя через многие испытания, он не потерял присущего ему позитивного восприятия жизни, умения радоваться и помогать другим.

Остались вопросы, на которые мы не смогли дать ответы, наиболее «страшные» из них: понимали ли «обвинители» своих коллег, на что они обрекают их? раскаивались ли впоследствии? как работали долгие годы спустя пострадавшие и «обвинители»? К сожалению, мы поздно обратились к документам послевоенных лет по истории педагогического института; безвозвратно утрачена возможность поговорить с участниками событий, и прежде всего с С.Г. Басиным, Д.Н. Кейсер, Л.А. Ганкиным, В.А. Стальным, Е.И. Медведевым, К.Я. Наякшиным и др. Нам остается память о политических репрессиях, которую нужно сохранять в нашем вузе. Необходимо получить точные данные обо всех преподавателях, сотрудниках, студентах педагогического института, несправедливо осужденных в 1930-х — начале 1950-х гг., попытаться выяснить их судьбу. Можно сделать стенд с соответствующей информацией и фотографиями в музее СГСПУ.

Благодарим за помощь, оказанную нам сотрудниками самарских архивов: Евгения Михайловича Малинкина, Людмилу Александровну Панкратову, Дарью Николаевну Моськину (СОГАСПИ); Павла Семеновича Лебединского (ЦГАСО); заведующую архивом Тамару Алексеевну Пенину и директора библиотеки

СГСПУ Людмилу Александровну Киселеву; заведующую Домом-музеем В.И. Ленина в Самаре Майю Александровну Образцову. Выражаем глубокую признательность декану факультета математики, физики и информатики СГСПУ Владимиру Николаевичу Анискину за предоставленные дополнительные материалы.

Список литературы:

1. Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири). Ч. 1. Поздний сталинизм (1946 — март 1953 гг.). Омск: СибАДИ, 2001. 223 с.
2. Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 211 с.
3. Гижов В.А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2004. 29 с.
4. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Кемерово, 2009. 54 с.
5. Кунгина О.А. Политико-идеологические кампании в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945–1953 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тюмень, 2014. 30 с.
6. Гижов В.А. Идеологические кампании в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.): анализ современной отечественной историографии // Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. статей всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 2018. С. 154–159.
7. Сперанская А.Н. Идеологические кампании 1946–1953 годов и научно-педагогическая интеллигенция Урала // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5–1. С. 100–104.
8. Хаминов Д.В. Историческое образование и историческая наука в Сибири под давлением идеологических кампаний послевоенного сталинизма // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 82–95.
9. Будник Г.А. Вузовская интеллигенция центрального района России в период борьбы с космополитизмом конца 1940-х — начала 1950-х гг. // Клио. 2006. № 1 (32). С. 161–167.
10. Попов Ф.Г. Хроника революционных событий в Самаре (1902–1917). Куйбышев: Кн. изд-во, 1936. 320 с.
11. Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии: 1902–1917 / под ред. профессора К.Я. Наякшина. Куйбышев: Кн. изд-во, 1969. 621 с.
12. Кузнецов В.Н. Расстрелянные вместе: И.А. Зеленский и Г.Г. Ягода в социал-демократическом движении Поволжья // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 3. С. 97–100.
13. Галыгина Г.В. Платные осведомители и секретные сотрудники охраны в рядах социал-демократической организации: 1911–1913 // Вестник архивиста. 2009. № 1. С. 142–150.
14. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2304. Оп. 7. Д. 933.
15. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 988. Оп. 1. Д. 40.
16. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 38.
17. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 51.

18. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 74.
19. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 744808. Ед. хр. 79. № зап. 80446479.
20. Мягков М.Ю. Битва под Москвой: от обороны к контрнаступлению // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 22–62.
21. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 3. Д. 44.
22. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 61.
23. Репинецкий А.И. Судьба ученого: к 90-летию со дня рожд. Соломона Басина // Самарские судьбы. 2009. № 1. С. 48–52.
24. Балашов Г.В. Научно-педагогическая и общественная деятельность Е.И. Медведева (1903–1982 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2003. 22 с.
25. СОГАСПИ. Ф. 3407. Оп. 28. Д. 259.
26. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 65.
27. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 67.
28. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 2. Д. 1.
29. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 62.
30. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 2. Д. 2.
31. Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов товарища А.А. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. М.: Госполитиздат, 1952. 30 с.
32. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 66.
33. Есаков В.Д. Сталинские суды чести: масштаб и последствия // Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 252–272.
34. ЦГАСО. Ф. Р-419. Оп. 1. Д. 29.
35. Плеханов Г.В. В.Г. Белинский: сб. статей / предисл. В. Ваганяна. М.-Петроград: Госиздат, 1923. 300 с.
36. СОГАСПИ. Ф. 1328. Оп. 18. Д. 310.
37. Архив СГСПУ. Ф. 2304. Личное дело. Александров Иван Алексеевич.
38. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 57. Д. 4.
39. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 2878. № зап. 21877832.
40. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 24. Д. 92.
41. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 400 с.
42. Павлов С.И. История кафедры зоологии Самарского государственного педагогического университета // Самарская Лука. 2008. Т. 17, № 3 (25). С. 626–637.
43. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 2. Д. 12.
44. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 76.
45. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 79. Д. 128.
46. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 2. Д. 13.
47. ЦГАСО. Ф. Р-419. Оп. 2. Д. 31.
48. Храмкова Е.Л. К биографии историка К.Я. Накишина (по материалам самарских библиотек и архивов) // Румянцевские чтения – 2019: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. 3. М., 2019. С. 236–241.
49. СОГАСПИ. Ф. 1328. Оп. 18. Д. 310.
50. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 69. Д. 1302.
51. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 2. Д. 14.
52. СОГАСПИ. Ф. 1328. Оп. 22. Д. 289.
53. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 2. Д. 29.
54. СОГАСПИ. Ф. 988. Оп. 2. Д. 28.
55. Жизнь замечательных людей физико-математического факультета. Т. II / сост.: В.Н. Аниськин, Л.И. Бордунова, А.С. Тарновский, Л.П. Токмакова; отв. ред. В.Н. Аниськин. Самара: Изд-во ПГСГА, 2011. 571 с.
56. Жизнь замечательных людей физико-математического факультета. Т. IV / сост.: В.Н. Аниськин, Л.И. Бордунова, И.А. Овчинникова, Л.П. Токмакова; отв. ред. В.Н. Аниськин. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. 720 с.
57. Большая Советская энциклопедия. Т. 9. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 624 с.
58. Центральный комитет. КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП: историко-биографический справочник / сост. Ю.В. Горячев. М.: Издат. дом «Парад», 2005. 496 с.
59. Ерофеев В. Валериан Куйбышев в Самаре: миф сталинской эпохи. Самара: Самар. отд-ние лит. фонда России, 2004. 160 с.
60. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 968.

THE CASE OF SOLOMON GERTSEVICH BASIN: REGIONAL PRACTICE OF POLITICAL AND IDEOLOGICAL CAMPAIGNS OF THE SECOND HALF OF THE 1940S – EARLY 1950S

© 2019

Khramkova Elena Lenarovna, doctor of historical sciences,
professor of Domestic History and Archeology Department

Khramkova Nina Petrovna, candidate of historical sciences,
professor of Domestic History and Archeology Department

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper reconstructs the little-known pages of the biography of the Samara historian, doctor of historical sciences, professor Solomon Gertsevich Basin. The source base for the study was the materials of his personal file, personal files, protocol documentation of the primary party organization of the Kuibyshev State Pedagogical Institute (now Samara State University of Social Sciences and Education), the Frunzensky District Committee of the Kuybyshev CPSU(b) and other documents that were found in the archive and the SSUSSE library, the Central State Archive of the Samara Region and the Samara Regional State Archive of Social and Political History. The focus is on the circumstances of the involvement of S.G. Basin in the well-known political campaigns of the second half of the 1940s – early 1950s, the analysis of his «case» as well as the teachers of the Kuibyshev Pedagogical Institute – the most active participants in the «fight against servitude before the West», with «cosmopolitanism» and others. The paper also attempts to clarify the motivation that determined certain actions of the main «actors» in the context of the ideological influence on the pedagogical intelligentsia in the post-war period. For this purpose, the biographies of some directors, deputy directors, secretaries of the university organization of the party, teachers of the history department of KSPI were studied.

Keywords: Basin Solomon Gertsevich; pedagogical intelligentsia; political and ideological campaigns; cosmopolitanism; Kuibyshev State Pedagogical Institute; Samara State University of Social Sciences and Education; history department; personal business.